

Научная статья
УДК 94(4)"1933/1945":001.8
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-45-55>

ОТРАЖЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ПАМЯТИ О ХОЛОКОСТЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Шерман Леонид^{1, 2}

¹ Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,

² Средняя школа Декель Вильнаи, Маале Адумим, Израиль, leosh77@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0006-5155-956X>

Аннотация. Статья посвящена истории формирования культуры памяти о Холокосте. Проанализирована научная литература и источники по теме, которые расширяют представления о травмах, деформации и изменениях, происходящих с памятью со временем, а также находят отражение в свидетельствах выживших. Анализ источников указывает на определенную динамику, которая имела место с развитием исследований, а также по мере удаления от событий Холокоста. По результатам проведенного исследования выяснилось, что история сбора и фиксации источников о Холокосте изучалась по большей части вне контекста культуры памяти. Проведенный анализ на примере так называемых «Свитков из пепла» свидетельствует о необходимости особого подхода в работе с воспоминаниями, особенно травматического происхождения. Упор делается на западную историографию (с акцентом на динамику в Израиле и Соединенных Штатах Америки) в свете того, что изучение Холокоста за рубежом началось раньше, чем в Советском Союзе. Поэтому зарубежная историография имеет большой информационный потенциал. Работа опирается на выводы из свидетельств, переживших Холокост Ф. Фридмана, Э. Визеля, П. Леви, а также на сборник очерков известных советских писателей «Черная книга», включенных ЮНЕСКО в реестр «Памяти мира», «Дневник Анны Франк» и архивную коллекцию «Онег шабат». Используются материалы Нюрнбергского трибунала над нацистскими военными преступниками, на которые опиралось советское обвинение в ходе судебного процесса. Исследование указывает на необходимость обращения к параллельным свидетельствам и источникам с целью комплексного изучения и получения наиболее полной картины произошедшего.

Ключевые слова: историография, коллективная память, культура памяти, отрицание, «Свитки из пепла», травма, Холокост.

Для цитирования: Шерман Л. Отражение формирования культуры памяти о Холокосте в зарубежной историографии // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 1 (25). С. 45–55. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-45-55>

Сведения об авторе: Л. Шерман – аспирант кафедры истории России новейшего времени, Российский государственный гуманитарный университет, 125047, Россия, г. Москва, площадь Миусская, д. 6, стр. 6; преподаватель истории, краеведения и общественного права, средняя школа Декель Вильнаи, 9833011, Израиль, г. Маале Адумим, ул. Дерех мидбар ехуда, д. 13.

© Шерман Л., 2026

Scientific Article

UDC 94(4)"1933/1945":001.8

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-45-55>

REFLECTION OF THE WHO FRAMED GENERAL KUROPATKIN? ON THE ISSUE OF THE PUBLICATION OF THE RUSSIAN CAMPAIGN IN INDIA PLAN AUTHORSHIP IN THE BRITISH PRINT MEDIA IN 1904

Leonid Sherman ^{1,2}

¹ Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia

² Dekel Vilna'i High School
Maale Adumim, Israel, leosh77@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0006-5155-956X>

Abstract. The article explores the history of the development of Holocaust remembrance culture. It analyzes the existing historiographical scholarship on the subject as well as the sources that expand our understanding of trauma, distortion, and the transformations that occur in memory over time, and are reflected in the testimonies of survivors. The analysis of the sources reveals a certain dynamic that has taken place with the development of research, as well as with the distance from the events of the Holocaust. According to the results of the study, it turned out that the history of collecting and recording sources about the Holocaust has largely been explored outside the broader context of remembrance culture. The analysis conducted using the example of the so-called *Scrolls of Ashes* demonstrates the necessity of a distinct methodological approach in working with testimonies, particularly those of traumatic origin. The focus is placed primarily on Western historiography (with an emphasis on the dynamics in Israel and the United States of America) given that Holocaust studies developed earlier abroad than in the Soviet Union. Therefore, foreign historiography has great informational potential. The work draws on the testimonies of Holocaust survivors –F. Friedman, E. Wiesel, and P. Levy – as well as a collection of essays by renowned Soviet writers, "The Black Book," included in the UNESCO Memory of the World Register, "The Diary of Anne Frank," and the Oneg Shabbat archival collection. Materials from the Nuremberg Trials of Nazi war criminals, which the Soviet prosecution relied on during the trial, are also included. The study points to the need to consult parallel evidence and sources in order to comprehensively study and obtain the most complete picture of what happened.

Keywords: historiography, collective memory, culture of remembrance, denial, "Scrolls from ashes", trauma, the Holocaust.

For citation: Sherman, L 2026, 'Reflection of the formation of the Holocaust remembrance culture in foreign historiography', Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics, issue 1 (25), pp. 45–55, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-45-55> (in Russ.)

Information about the Author: *Leonid Sherman* – PhD student, Russian State University for the Humanities, 6 Miuskaya Ploshchad Square, building 6, Moscow, 125047, Russia. Teacher of history, local studies and public law, Dekel Vilna'i High School, Derech Midbar Yehuda St. 13, Maale Adumim, 983301, Israel.

© Sherman L., 2026

Введение

Статья ставит своей целью показать динамику формирования культуры памяти в контексте Холокоста в западной и израильской историографии. Это обусловлено тем, что изучение Холокоста за рубежом началось раньше, чем в Советском Союзе, а в российской историографии тема культуры памяти о Холокосте является относительно новым направлением [1, с. 6].

Сбор источников и свидетельств о Холокосте ведет свой отсчет с архива Рингельблюма, получившего также название «Онег Шабат» который начал свою деятельность в Варшавском гетто в 1939 г. Польский историк Ф. Тих считал наследие «Онег шабат» самым важным мировым источником о Холокосте: произошедшее фиксировали сами жертвы «в режиме реального времени» [28; 2]. В 1999 г. ЮНЕСКО включила архив в реестр «Памяти мира». Одним из основных источников, повлиявших на формирование культуры памяти о Холокосте, являются «Свитки из пепла» – рукописи шести членов зондеркоманды Аушвица-Биркенау (Залмана Градовского, Лейба Лангфуса, Залмана Левенталя, Марселя Наджари, Амрома Левите и Хаима Германа), которые вели свои записи в непосредственной близости от крематориев, где было уничтожено более миллиона евреев Европы.

Наиважнейшим документом, повлиявшим на формирование культуры памяти о Холокосте, стал проект Еврейского антифашистского комитета в СССР под названием «Черная книга». По его итогам был подготовлен сборник очерков известных советских писателей на основе документов и свидетельств очевидцев. Редакторы «Черной книги» поведали о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в гитлеровских лагерях уничтожения на территории Польши во время войны 1941–1945 гг.» И. Г. Эренбург и В. С. Гроссман ставили перед собой цель увековечить память об еврейских жертвах, придать гласности преступления, а также рассчитывали, что она может послужить обвинительным заключением для фашистов как организаторов и участников убийства миллионов женщин, стариков и детей [17, с.11].

На формирование культуры памяти о Холокосте огромное влияние оказали документы и свидетельства, которые были представлены на Нюрнбергском трибунале – ключевом судебном процессе над нацистскими военными преступниками. Обвинители от СССР Р. А. Руденко и Л. Н. Смирнов в своих выступлениях отмечали, что нацисты планировали уничтожить евреев как народ в любой точке мира. В то же время невозможно проигнорировать их утверждение, что и славянским народам нацисты прочили ту же судьбу. Германия, по их мнению, не считала уничтожение евреев одной из приоритетных целей развязанной ей войны [10, с. 171–176]. Отметим, что свидетелем от советского обвинения выступал А. Суцкевер, один из авторов «Черной книги». Также на процессе был представлен (хоть и не использован) дневник З. Градовского, одного из хронистов «Свитков из пепла».

Уже в августе 1944 г. в Люблине была основана Еврейская историческая комиссия, действовавшая под эгидой Центрального комитета польских евреев, которая решила в 1945 г. фиксировать свидетельства евреев, переживших Холокост [7, с. 140–141]. Позже были основаны филиалы комиссии в центральных польских городах, а с 1947 г. работа по сбору свидетельств была сосредоточена в Варшавском еврейском историческом институте. Задачей созданных комиссий было фиксировать показания у переживших Холокост евреев в лагерях и гетто, а также сбор документов и показаний о жизни евреев до Холокоста и в его процессе. Ведущие исследователи, которые собирали эти данные, частично репатриировались в Израиль и продолжили

там свою деятельность. В Париже, Праге и других местах также действовали Еврейские центры сбора показаний и свидетельств, собирающие еврейские и немецкие документы, которые впоследствии были переданы в Израиль. Параллельно в 1945 г. в лагере для перемещенных лиц в Мюнхене была основана Центральная историческая комиссия освобожденных евреев, у которой было около 50 филиалов в других лагерях. Комиссия инициировала сбор тысяч свидетельств и даже издала несколько книг. Исследования общественной и политической организации выживших показывают, что их целью было не только гарантировать память о Холокосте и завещать его следующим поколениям, но и проработать выводы Холокоста в национальном духе [20, с.180]. В тогдашней подмандатной Палестине действия по увековечиванию и сбору свидетельств о Холокосте начались еще в 1941–1942 гг. и продолжают по сей день.

История Холокоста нашла отражение в работах историков, в первую очередь его очевидцев. Так, например, польско-еврейский историк Ф. Фридман скрывался во Львове во время немецкой оккупации. Его жена и дочь были убиты нацистами. В 1944–1946 гг. он основал, а затем стоял во главе Центральной еврейской исторической комиссии в Лодзи и работал в лагерях для перемещенных лиц. Задолго до начала Второй мировой войны Фридман занимался исследованиями истории польских евреев, он стал автором работ о евреях Галиции и Лодзи. После войны продолжил работу, акцентируя внимание на изучении и публикации свидетельств и документов о Холокосте, как, например, о восстании в Варшавском гетто и о спасении евреев местным населением [5; 21; 22].

Отдельно стоит отметить работы писателя, журналиста, философа, интеллектуала и Нобелевского лауреата Э. Визеля. Родившийся в Трансильвании, в годы войны он прошел через Аушвиц, «марши смерти» и Бухенвальд, потерял родителей и сестру. В своей повести «Ночь» описывает события, произошедшие с ним, на основании своего личного опыта [4]. Итальянский поэт, химик и переводчик П. Леви провел в Аушвице одиннадцать месяцев до освобождения советскими войсками. Его книги, которые начали публиковаться в конце 1940-х гг., отражают трудности, попытки выжить и боль, эмоциональные последствия произошедшего в лагере уничтожения [9; 10].

Дневник Анны Франк, изданный впервые в 1947 г., выдержал множество переизданий, на русском языке он впервые вышел в 1960 г. [15]. Согласно энциклопедии Britannika, на сегодняшний день в мире издано 30 000 000 экземпляров «Дневника» [18]. Не случайно в 2009 г. ЮНЕСКО включила записки Франк в реестр «Памяти мира», подобно архиву Рингельблюма.

Израильский историк Б. Коэн предлагает разделить израильскую историографию о Холокосте на несколько периодов.

1) В 1950-е гг., так называемое формирующее десятилетие Израиля, среди работ о Холокосте преобладали личные воспоминания бойцов. Восстание в Варшавском гетто считалось ключевым героическим событием. Это было необходимо для того, чтобы спасти еврейскую честь и уважение, а также для того, что связать между бойцами Варшавы и ценностями героизма и обороны еврейского бойца в еврейском государстве. Было принято относиться с уважением к массовым жертвам нацистов, даже если они шли «как овцы на заклание». Но отношение к членам *юдэнрата* (административный орган еврейского самоуправления, созданный немецкими оккупационными властями во время Второй мировой войны – Л. Ш.) и другим общественным организациям, которые функционировали под немцами, было сугубо отрицательным. Кроме того, в подавляющем большинстве случаев публиковались книги и свидетельства членов сионистских движений левого

толка. Так, например, об участии представителей правых и религиозных движений в восстании Варшавского гетто не было практически никакой информации. В начале 50-х годов были созданы исследовательские институты, которые специализировались на исследовании и увековечивании памяти жертв. Весь этот период, по словам Коэна, вся историографическая работа лежала на плечах выживших в Холокосте, по большей части молодых людей без высшего образования, не имевших предыдущего опыта в написании исторических трудов. В то же время известные историки, проживающие на тот момент в Израиле, как то И. Беэр и И. Гальперин, не работали в этом направлении.

2) Суд над нацистским преступником А. Эйхманом, который начался в 1961 г. в Иерусалиме, пробудил большой интерес к событиям Холокоста и, соответственно, повлиял на израильскую историографию о Холокосте. Повысился статус Яд Вашема в качестве исследовательского института как внутри Израиля, так и за его пределами. К исследованию Холокоста подключились известные ученые. Свидетельские показания выживших заставили общество по-новому посмотреть на модели поведения евреев, что привело к введению в научный оборот фактов о различных формах еврейского сопротивления.

3) В 1970-е гг. произошла *академизация* Холокоста: при содействии Еврейского университета в Иерусалиме вышли монументальные работы известных историков, переживших Холокост (И. Гутмана, И. Арада). Также к работе над историографией Холокоста подключился И. Бауэр, который репатриировался в подмандатную Палестину до начала Второй мировой войны. Стало понятно, что подпольная борьба и участие в восстании – это лишь часть общей картины Холокоста. В этот же период новое поколение историков занялось исследованиями об отношении *ишува* (еврейской общины, проживавшей в стране Израиля в период войны) и Холокоста. Исследователи предъявили властям страны обвинения в бездействии или как минимум в недостаточной помощи, которую евреи Израиля не оказали своим европейским братьям. Обсуждение этого вопроса продолжилось и в 1990-е гг.

4) В 1990 г. увидела свет «Энциклопедия Холокоста» под редакцией И. Гутмана. Коэн считает издание энциклопедии флагманским проектом историографии Холокоста 1990-х гг., который включает в себя результаты работы исследователей разного профиля. В то же время, по мнению автора, на момент написания статьи (1999 г.) темы об окончательном решении и механизмах принятия решений в бюрократической машине нацистской Германии был исследован недостаточно, как и общее описание Холокоста во всех странах, оккупированных нацистами, и на всем протяжении нацистского периода [20].

Директор Центра еврейских исследований и современной еврейской жизни при Коннектикутском университете А. Дж. Патт в своей монографии о динамике изучения Холокоста в Израиле рассматривает развитие памяти о Холокосте в качестве исторического, культурного и политического процессов. Автор считает, что между травматическим прошлым и современными национальными стремлениями существует постоянное напряжение. С момента создания Израиля власти пытались создать «нового» еврея, свободного и гордого, что зачастую шло вразрез с тем травматическим багажом, который привезли с собой выжившие. Развитие институтов памяти позволило включить в учебные программы изучение Холокоста, но предпочтение явно отдавалось его героической составляющей. Процесс над А. Эйхманом расширил понимание истории европейского еврейства, дал возможность страданию и травме найти место в израильской идентичности и в корне изменил отношение коренных израильтян к уцелевшим.

В 1970–1980-х гг. присутствие Холокоста в кино, литературе и системе просвещения неуклонно растет. Расширяется и круг исследований, который затрагивает различные группы выживших и разные типы свидетельств. Примерно в этот же период, полагает Патт, Холокост становится частью израильской идентичности. Память о Холокосте используется политиками и медиа, усиливается роль мемориальных церемоний, начинаются образовательные поездки в Польшу. XXI век несет с собой вызовы нового образца. Все меньше и меньше число тех, кто может рассказать о трагедии от первого лица. В свою очередь современные технологии позволяют фиксировать воспоминания, но оставляют открытым вопрос об их подлинности, а также восприятия и осмысления. Также автор указывает на тенденцию использования памяти в политических целях, как в Израиле, так и в других местах [26].

Сборник статей ведущих специалистов в своих областях под редакцией британского историка, директора Института исследования Холокоста Лондонского университета Д. Стоуна позволяет наиболее широко отобразить картину развития исследований Холокоста на Западе как отдельной академической дисциплины. Согласно автору, историография по теме прошла целый ряд этапов в процессе своего формирования – от фиксации нацистских преступлений до комплексных междисциплинарных теорий. Стоун утверждает, что существует связь между изучением Холокоста и изменениями, произошедшими со временем с историей как наукой. Если на начальном этапе исследований работа шла в основном над хронологией уничтожения, роли Гитлера и анализе идеологии, то в 1980–1990 гг. сфера интересов историков значительно расширилась: объектом исследований стали социальная динамика, роль коллаборационистов, церкви и рядовых исполнителей, которые «просто выполняли приказы». Стоун обращает внимание на сбор свидетельств и документов о нацистских преступлениях непосредственно после освобождения. Таким образом, исследовательское поле изучения Холокоста постоянно расширяется [27].

Американская исследовательница Холокоста Д. Э. Липштадт, анализируя динамику формирования восприятия Холокоста американцами, приходит к схожим выводам: если сразу после войны о Холокосте не особо вспоминали, то в 1960–1970 гг. изучение этой темы стало более распространённым в связи с появлением фильмов, литературы, музеев и образовательных программ. По мнению автора, американское восприятие Холокоста представляет собой как отражение самого события, так и динамику ценностей, конфликтов и способов репрезентации травмы американского общества [23].

Дополнительным аспектом, который влияет на формирование культуры памяти о Холокосте, является его отрицание. Эта тенденция наметилась в 1947 г., сначала во Франции, а потом распространилась и на другие страны мира. Часть отрицателей утверждает, что Холокоста не было совсем, другие же выражают серьезные сомнения в количестве уничтоженных нацистами евреев [13].

Ситуация усугубляется тем, что преступники склонны замалчивать свои деяния. Так, например, Г. Гиммлер в своей речи в Познани в октябре 1943 г. перед высшими офицерами СС и гауляйтерами, приводившими в жизнь решение об уничтожении евреев, называет эту миссию *«славной страницей нашей [немецкой] истории, которая не написана и никогда не будет написана»*. Он настаивал на секретности миссии уничтожения евреев: *«Возможно, гораздо позже мы подумаем, стоит ли рассказать немецкому народу об этом больше, но будет лучше, если бы мы – все сообща – сделали это за наш народ, взяли бы на себя ответственность и потом унесли бы свою тайну в могилу»* [3, с. 106–107]. Унтершарфюрер СС Ф.

Зухомель, служивший в Треблинке, свидетельствует «Когда кого-нибудь приходится обманывать, потом сам начинаешь верить в собственную ложь» [8, с. 262].

Одним из примеров забвения являются показания Ф. Грасслера, который был помощником коменданта Варшавского гетто. По его словам, воспоминания о тех временах сохранились у него очень смутные, так как это было *трагическое время*, а человек легче забывает моменты плохие, чем хорошие, в то время как неприятные моменты вытесняются им из памяти [8, с. 326–327].

На формирование культуры памяти о Холокосте, как на Западе, так и по всему миру, наложил отпечаток характер воспоминаний. Ряд исследователей, специализирующихся на травме, подчеркивают, что травматические события могут привести к искажению, деформации и необъективности в суждениях и свидетельствах [14; 3; 6; 9].

До того, как еврейские источники о Холокосте вошли в научный оборот, основные сведения об уничтожении евреев черпались из немецких документов, что зачастую приводило к искажению истории и значимости Холокоста [28, с. 57–69]. Именно поэтому представляется важным противопоставить этим тезисам источники, авторами которых являются евреи, особенно когда речь идет о жертвах нацизма. Ярким примером подобных источников являются «Свитки из пепла». Авторы свидетельств преследовали несколько целей: передать всему миру информацию о происходившем в Аушвице, помочь историкам и психологам понять, как могли нацисты изменить привычные человеческие представления, а также увековечить память об убитых родных и близких. Ш. Неэмани видит в «Свитках из пепла» однозначное подтверждение злодейств нацистов, о которых без их прочтения многие бы не знали, а даже если бы знали, не поверили [25, с. 1].

Согласно Д. Вильямсу и Н. Черу, чтение «Свитков» поднимает сложные вопросы о свидетельских показаниях. Рукописи уникальны в силу особого положения, которое занимали их авторы, а также благодаря их идентичности. Материалы хронистов пристрастны, они полны ненавистью к нацистам, а также призывами к мести. Кроме того, они не полны и не включают в себя отчетов об определенных событиях, как, например, информации об *айзенцгруппен* [19].

Проблематика достоверности наблюдается также и в оценке количества уничтоженных в Аушвице за годы его деятельности. В «Расставании» З. Градовского упоминаются «миллионы тех, кто погиб вчера» [12, с. 354], в «Письме из ада» – «миллионы погибших» [12, с. 355]. В «Заметках» З. Левенталя фигурирует цифра в миллион убитых евреев только венгерского происхождения [12, с. 473]. Как известно, многие годы цифра в 4 миллиона жертв фигурировала в официальных документах и на мемориальных досках до тех пор, пока исследователи не оценили число жертв в 1,1–1,2 миллиона человек, 90 % из которых составляли евреи.

Публикация «Свитков из пепла», созданных самими жертвами Холокоста в годы войны, позволила по-новому взглянуть как на произошедшее с еврейским народом в годы Холокоста, так и в *героическом нарративе*, а также проанализировать сложные отношения еврейских узников Аушвица с заключенными других национальностей. Кроме того, «Свитки» внесли свой вклад в формирование культуры памяти о Холокосте в религиозном аспекте, который ранее практически не поднимался. Публикация рукописей способствовала разрушению отрицательного имиджа, который преследовал их авторов долгие годы. Вместе с тем прочтение записок хронистов в силу религиозных взглядов их авторов может привести читателя к спорным выводам. У него может сложиться нечеткое впечатление о деятельности лагеря уничтожения, о повседневной жизни его узников

и даже о числе жертв. Кроме того, публикация цензурированных вариантов зачастую искажала те послы и призывы, которые авторы «Свитков» хотели донести до своих читателей. Именно поэтому необходимо обращение к параллельным свидетельствам из других лагерей смерти и гетто, которые дополняют, а иногда и в некоторой степени подвергают сомнению сведения, переданные нам хронистами «Свитков».

Заключение

Анализ научных трудов, отображающих формирование культуры памяти о Холокосте на Западе, в особенности в Израиле, указывает на определенную динамику.

- Сбор информации о Холокосте ведет отчет непосредственно от окончания боевых действий. Приоритет отдается личным воспоминаниям бойцов и героическому нарративу. Свидетельства по большей части «секторальные», предпочтение получают молодежные сионистские движения, разделяющие социалистическую идеологию.

- На следующем этапе, начало которому положил суд над А. Эйхманом, расширилось понимание о различных формах *еврейского сопротивления*, а само исследование Холокоста стало более упорядоченным благодаря усилению исследовательских институтов и включению в работу известных ученых.

- Тенденция *академизации* Холокоста продолжилась с публикацией монументальных работ известных историков, видевших Холокост своими глазами, например, И. Гутмана, И. Арада, а также специалистов в этой области – уроженцев Израиля. Стоит отметить роль Иерусалимского университета, при содействии которого эта работа проходила.

- В 1980–1990-е гг. сфера интересов историков значительно расширилась: объектом исследований стали социальная динамика, роль коллаборационистов, церкви и рядовых исполнителей, которые «просто выполняли приказы», а также отношения евреев подмандатной Палестины с их европейскими собратьями.

- В XXI в. число свидетелей неуклонно снижается и все больше приходится полагаться на технологии, записывающие воспоминания. Также память все чаще используется для достижения политических целей.

- В последние годы в историографии принято рассматривать Холокост как универсальную трагедию, опыт которой стоит взять на заметку народам мира с целью предотвращения ее повторения.

- Историография источниковедения истории Холокоста практически не анализирует воспоминания травматического характера. История сбора и фиксации источников о Холокосте изучалась по большей части вне контекста культуры памяти. Эти важные составляющие накладывают свой отпечаток на аутентичность свидетельств и зачастую не позволяют в полной мере оценить их информационный потенциал.

- Анализ источников на примере так называемых «Свитков из пепла» подтверждает необходимость особого подхода к работе с воспоминаниями травматического происхождения.

- Зарубежная историография отражает формирование культуры памяти о Холокосте практически в полном объеме, но не всегда указывает на лакуны в существующей научной литературе, куда ещё не направлено достаточное количество

исследований, что требует дополнительных вложений в изучение темы, а также работы с данными, документами и источниками для получения полной картины.

Список источников и литературы

1. *Альтман И. А.* Исследование темы Холокоста в СССР в современной России // Холокост : библиогр. указатель русскоязычной литературы за 1941–2020 гг. / сост. И. А. Альтман, Е. Ю. Матвеева, А. В. Гасилин; отв. ред. А. В. Гасилин, ред. О. В. Сергеева. М.: РАН ИНИОН, 2021. С. 4–11.
2. *Альтман И. А., Шерман Л.* Архив Варшавского гетто: история создания, состав, использование // Отечественные архивы. 2025. № 3. С. 31–37.
3. *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое лит. обозрение, 2018. 328 с.
4. *Визель Э.* Ночь. Рассвет. Несчастный случай. Тель-Авив: Яир, 1989. 279 с.
5. *Гилева М. В.* Формирование проблемы Холокоста в американской историографии в 1945–1960-е годы // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 5 (38). С. 127–128.
6. *Гросс Я., Грудзинская-Гросс И.* Золотая жатва. О том, что происходило вокруг истребления евреев. М.: Нестор, 2017. 152 с.
7. *Гросс Я., Павлицкая А.* Давным-давно, кажется в прошлую пятницу. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2021. 320 с.
8. *Ланцман К.* Шоа. М.: Новое изд-во, 2016. 386 с.
9. *Левы П.* Канувшие и спасенные, М.: Новое изд-во, 2010. 196 с.
10. *Левы П.* Человек ли это? М.: Книжники, 1990. 288 с.
11. *Лебедева Н. С.* Нюрнбергский процесс о геноциде евреев Европы // Холокост – Сопротивление – Возрождение: еврейский народ в годы Второй мировой войны и послевоенный период, 1939–1948 / ред. И. А. Альтман, П. Агмон. М., 2000. С. 171–176.
12. *Полян П. М.* Жизнь и смерть в аушвицком аду. М.: АСТ. 2018. 640 с.
13. *Полян П. М.* Отрицание и геополитика Холокоста // Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем: Дебаты о демографии и геополитике Холокоста / сост. А. Кох, П. Полян. М.: Три квадрата, 2008. 308 с.
14. *Сафронова Ю. А.* Историческая память: Введение. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2019. 224 с.
15. *Франк А.* Дневник Анны Франк, М.: Иностран. лит., 1960. 235 с.
16. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
17. Черная книга: о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в гитлеровских лагерях уничтожения на территории Польши во время войны 1941–1945 гг. / под ред. В. С. Гроссмана, И. Г. Эренбурга. М.: Corpus, 2015. 714 с.
18. *Petruzzello M.* Anne Frank's Diarly // Britannica : online encyclopedia. URL: <https://www.britannica.com/story/anne-franks-diary> (date of request: 15.11.2025).
19. *Chare N., Willians D.* Matters of Testimony: Interpreting the Stroll of Auschwitz. New York; Oxford : Berghahn Books, Inc., 2015. 254 p.
20. *Cohen B.* Istoriografija ha istaelitshel ha Shoah-megamotikarion // Beshvil ga zikaron, 34. Jerusalem: Yad Vashem, 1999. P. 14–20. (Иврит)
21. *Friedman F.* Martyrs and Fighters. The Heroic Warsaw Ghetto epic that inspired "The Wall" and «Mila 18». London: Lancer book. 1954. 325 p.
22. *Friedman F.* Their brother's Keepers. New York: Crown Publishers, 1957. 224 p.
23. *Lipstadt D.* Holocaust. An American Understanding. New Brunswick ; New Jersey ; London: Rutgers University Press, 2016. 204 p.

24. *Livneh A.* The Cry of the Desperate and the Fortitude of the Remaining will Suffice: Commemorative Literature, Documentation and the Study of the Holocaust, 1945–1961 // *Dapim, Studies on the Shoah.* 2010. № 24. P. 177–222.
25. *Mark B.* The Strolls of Auschwitz. Tel Aviv: Am Oved, 1985. 305 p.
26. *Patt A. J.* Israel and the Holocaust: History, Memory and Identity. London: Bloomsbury Academic, 2024. 224 p.
27. *Stone D.* The Historiography of the Holocaust. Basingstoke (Hants.) ; New York: Palgrave Macmillan, 2004. 508 p.
28. *Sokovsky R.* Oneg Shabat – arkhiongetto Warsha // *Me gniza le ziyuneiderek: Arkhionimiyehudim me tkufat ha Shoa* / ed. I. Gutman. Jerusalem: 1997. P. 57–69. (Иврит).
29. *Tuch F.* The Legacy of Emanuel Ringelblum and the Historical Awareness of the Holocaust // *Emanuel Ringelblum: The man and the Historian* / ed. I. Gutman. Jerusalem: Yad Vashem, 2010. P. 6–15.

References

1. Altman, IA 2021, Issledovaniye temy Kholokosta v SSSR v sovremennoy Rossii (A Study of the Holocaust in the USSR in Contemporary Russia) in IA Altman, EY Matveeva, & AV Gasilin (eds.), *Kholokost: Bibliograficheskiy ukazatel russkoyazychnoy literatury za 1941–2020 gg.* (Holocaust: A Bibliographic Index of Russian-Language Literature), RAN INION Publ, Moscow. (In Russ.)
2. Altman, IA & Sherman, L 2025, *Arkhiv Varshavskogo getto: istoriya sozdaniya, sostav, ispolzovaniye* (The Warsaw Ghetto Archive: History of Creation, Composition, and Use), *Otechestvennyye arkhivy* Publ, Moscow, no. 3, pp. 31-37. (In Russ.)
3. Assman, A 2018, *Dlinnaya ten proshlogo: Memorialnaya kultura i istoricheskaya politika* (The Long Shadow of the Past: Memory Culture and Historical Politics), *Novoye literaturnoye obozreniye* Publ, Moscow. (In Russ.)
4. Wiesel, E 1989, *Noch. Rassvet. Neschastnyy sluchay* (Night. Dawn. Accident), Yair Publ, Tel Aviv. (in Russ.)
5. Gileva, MV 2018, Formirovaniye problemy Kholokosta v amerikanskoj istoriografii v 1945-1960-ye gody (Formation of the Holocaust Issue in American Historiography in 1945-1960s), *RSUH/RGGUBulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series*, no. 5(38), pp. 123-32. doi: 10.28995/20736355-2018-5-123-132. (In Russ.)
6. Gross, JT & Grudzinska-Gross, I 2017, *Zolotaya zhatva. O tom, chto proiskhodilo vokrug istrebleniya yevreyev* (Golden Harvest), trans. LA Mosionzhnik, Nestor-Istoriya Publ, Moscow, Saint-Petersburg. (In Russ.)
7. Gross, JT & Pawlicka, A 2021, *Davnym-davno, kazhetsya, v proshluyu pyatnitsu* (A long time ago, it seems, last Friday), trans. IE Adelgeim, Ivan Limbakh Publ, Saint-Petersburg. (In Russ.)
8. Lanzmann, C 2016, *Shoa* (Shoah), Novoye Izdatelstvo Publ, Moscow. (In Russ.)
9. Levi, P 2010, *Kanuvshiye i spasennyye* (The Drowned and the Saved), trans. E Dmitrieva, Novoye Izdatelstvo Publ, Moscow. (In Russ.)
10. Levi, P 1990, *Chelovek li eto* (If This Is a Man / Survival in Auschwitz), trans. E Dmitrieva, Knizhniki Publ. Moscow. (In Russ.)
11. Lebedeva, NS 2000, Nyurenbergskiy protsess o genotside yevreyev Yevropy (The Nuremberg Trial on the Genocide of the Jews of Europe) in IA Altman, P Agmon (eds.), *Kholokost — Soprotivleniye — Vozrozhdeniye: yevreyskiy narod v gody Vtoroy mirovoy voyny i poslevoyennyy period, 1939–1948* (Holocaust — Resistance — Revival: The Jewish People During World War II and the Postwar Period, 1939–1948), Gos. sluzhba Rossii po delam natsionalnostey Publ, Moscow. (In Russ.)
12. Polyan, PM 2018, *Zhizn' i smert' v aushvitskom adu* (Life and Death in the Hell of Auschwitz), AST Publ, Moscow. (In Russ.)
13. Polyan, PM 2008, Otritsaniye i geopolitika Kholokosta (Denial and the Geopolitics of the Holocaust), in A Kokh & P Polyan (eds.) *Otritsaniye otritsaniya, ili Bitva pod Aushvitsem:*

- Debaty o demografii i geopolitike Kholokosta* (The Negation of Negation: The Battle of Auschwitz – Debates on the Demography and Geopolitics of the Holocaust), Tri Kvadrata Publ, Moscow. (In Russ.)
14. Safronova, YuA 2019, *Istoricheskaya pamyat': Vvedeniye* (Historical Memory: Introduction), Izdatelstvo Yevropeyskogo universiteta Publ, Saint-Petersburg. (In Russ)
 15. Frank, A 1960, *Dnevnik Anny Frank* (The Diary of a Young Girl / The Diary of Anne Frank), Inostrannaya literatura Publ, Moscow. (In Russ).
 16. Frankl, V 1990, *Chelovek v poiskayasmisla* (Man's Search for Meaning), trans. DA Leontyev, MP Papush, & EV Eidman, Progress Publ Moscow. (In Russ.)
 17. Grossman, VS & Erenburg, IG (eds.) 2015, *Chernaya kniga: o zlodeyskom pousemestnom ubiystve yevreyev nemetsko-fashistskimi zakhvatchikami vo vremenno okkupirovannykh rayonakh Sovetskogo Soyuza i v gitlerovskikh lageryakh unichtozheniya na territorii Polshi vo vremya voyny 1941–1945 gg.* (The Black Book: On the Villainous, Widespread Murder of Jews by the Nazi Invaders in the Temporarily Occupied Regions of the Soviet Union and in Nazi Extermination Camps in Poland During the War of 1941–1945), Corpus Publ, Moscow. (In Russ.)
 18. Petruzzello, M 2025 'Anne Frank's Diary', *Encyclopedia Britannica*, viewed 15 November 2025, <https://www.britannica.com/story/anne-franks-diary>.
 19. Chare, N & Willians, D 2015, *Matters of Testimony: Interpreting the Stroll of Auschwitz*, Berghahn, New York, Oxford.
 20. Cohen, B 1999, *Istoriografiya ch yeshtalitashel ch sho'a- migmotechrion, Beshvil ga zikaron*, Yad Vashem Publ, Jerusalem, vol. 34, pp. 14–20. (In Hebrew)
 21. Friedman, P 1954, *Martyrs and Fighters: The Heroic Warsaw Ghetto Epic That Inspired the Wall and Mila 18*, Lancer books, New York.
 22. Friedman, P 1957, *Their brothers' keepers*, Crown Publishers, New York.
 23. Lipstadt, D 2016, *Holocaust. An American Understanding*. Rutgers University Press, New Brunswick; New Jersey.
 24. Livneh, A 2013, 'The Cry of the Desperate and the Fortitude of the Remaining will Suffice: Commemorative Literature, Documentation and the Study of the Holocaust, 1945-1961', *Dapim Studies on the Holocaust*, vol. 24(1), pp. 177–222, doi:10.1080/23256249.2010.10744401
 25. Mark, B 1985, *The Strolls of Auschwitz*. Am Oved Publ, Tel Aviv.
 26. Patt, AJ 2024, *Israel and the Holocaust: History, Memory and Identity*, Bloomsbury Academic, New York.
 27. Stone, D 2004, *The Historiography of the Holocaust*, Palgrave Macmillan, London.
 28. Sokovsky, R 1997, 'Oneg Shabat – arkhiongettoWarsha', in I Gutman (ed.), *Me gniza le ziyuneidereh: Arkhionimyehudim me tkufat ha Shoa*, Jerusalem, pp. 57–69. (In Hebrew)
 29. Tych, F. 2006, 'The Legacy of Emanuel Ringelblum and the Historical Awareness of the Holocaust', in I Gutman (ed.), *Emanuel Ringelblum: Man And the Historian*, Yad Vashem Publ, Jerusalem, pp. 6–15.

Статья поступила в редакцию: 02.12.2025
Одобрена после рецензирования: 13.02.2026
Принята к публикации: 02.03.2026

The article was submitted: 02.12.2025
Approved after reviewing: 13.02.2026
Accepted for publication: 02.03.2026